

Случилось так, что ни одна из лучших ее ролей не прошла мимо меня. Как истинный художник своего дела, Ирина Константиновна Архипова неторопливо, неслучайно восходила от положения одной из ведущих певиц Большого театра СССР до

прочного международного авторитета великой оперной актрисы и музыкального деятеля. В день 40-летия своей творческой деятельности она вышла на родную сцену в образе Графини в «Пиковой даме» П.И. Чайковского...

«Московская Венера»

Ирины Архиповой

Рос. вестн. - 1995. - 27 июля. - С. 7

Боязнь раствориться в пафосе юбилейных поздравлений оставила мое желание тогда же написать о замечательном и, на мой взгляд, принципиальном художественном открытии актрисы в этой роли. Теперь - могу.

Чем больше я вслушивался в музыку Чайковского и вглядывался в логику поступков персонажей его бессмертной оперы, тем сильнее сомневался в традиционном сценическом решении образа старой Графини. Все известные мне исполнительницы - как правило, выдающиеся певицы - играли зловещую, с тяжелыми капризами, старость. Под дулом пистолета Германа они испытывали нескрываемый ужас, конвульсивно сжимая пальцы, с искаженным от страха лицом поднимались с кресла и падали замертво - кто-то назад, в кресло, а кто-то и на планшет сцены. Так - из поколения в поколение. Известно, что Германн (у Пушкина это - фамилия героя повести), как мы сказали бы теперь, - «характер нордический»: идея обогащения сжигает его изнутри холодным синим пламенем. У Чайковского Герман (это - имя героя оперы) - пылкий юноша, раздираемый нравственными противоречиями между любовью к Полине, состраданием к обманутой им Лизе и отчаянной попыткой узнать магическую тайну трех карт. То же самое, думалось мне, произошло и с образом Графини. Чайковского интеллигентно в ней прежде всего прошлое «московской Венеры», покорившей Гарриж, даже самого рассудочного из французоз - кардинала Ришелье, который из-за нее едва не покончил с собой (подсказка Пушкина). Графиня в опере - символ памяти об огромной власти красоты и женственности. Недаром же русский маг музыки сочинил ей главную арию на французском языке, полную светлых лирических воспоминаний о счастливом времени молодости и любви. Я не осуждаю

превосходных исполнительниц партии Графини. Они, вслед за режиссерами, смотрели на таинственную старуху глазами Германа, который испытал отвращение, невольно присутствуя при ее переодевании ко сну. Но взгляд персонажа не всегда - взгляд автора, тем более выраженный в музыкальном тексте.

На юбилейном спектакле Ирины Архиповой мы услышали все тот же, удивительный, звучащий как совершенный музыкальный инструмент, голос, который когда-то сравнили с «пением скрипичного, точнее, альтового смычка». Итальянцы находили в этом пении особо почитаемую ими «старовенецианскую» школу бельканто. Американцы, напротив, считали, что этот голос «обладает специфически русским тембром, русской окраской». Аргентинцы восхищались «удивительным пленительно-ласкающим тембром со множеством оттенков». И мы, спустя несколько десятилетий после того, как были написаны все эти строки, мысленно подтверждали их на юбилейном спектакле великой певицы. Голос ее был самым молодым из всех молодых голосов, звучавших в этот вечер со сцены Большого театра, хотя пела она партию старой Графини. Тот же ровный на всех регистрах звук, та же яркая, солнечная взлетность на верхах, и уже одно это окрашивало образ новизной.

Горделивость, властность, трагическое мироощущение всегда были близки актрисе. По-разному, но всегда с вокальным и актерским блеском и тонким чувством меры проявлялись они в «Кармен», «Марфе», «Амнерис», «Марине Мнишек». Такой она предстала и в «Пиковой даме», еще ничем не нарушая традиционного решения образа.

Но вот Графиня остается со своей бессонницей. Память переносит ее в далекие годы молодости. С какой-то особой, уютной грацией устроившись в кресле,

Архипова поет знаменитую арию с чистейшим французским произношением, неподражаемой женственной лиричностью.

После такого монолога ее уже не хочется видеть зловещей старухой. И умница актриса верно служит великой певице: в кресле сидит примиренная с судьбой, а потому и в старости красивая женщина. Такой она остается и с появлением Германа. Он пришел из мира, уже далекого от нее. Под дулом его пистолета она с незлобивым любопытством тянется к нему, словно старясь понять, неужто это в нее собираются выстрелить. Затем Графиня едва заметно отклоняется к спинке кресла и замирает. Герман уверен, что она жива. Уверены и зрители. Но отчаявшийся авантюрист берет ее за руку - рука безжизненно падает. Только теперь Герман осознает, что произошло непоправимое. Его восклицание «Она мертва!» полно растерянности и безысходности. Позже, когда Герман - Владислав Пьялов клянется, что не убивал Графиню, что пистолет не был даже заряжен, мы вновь вспоминаем ночную сцену и испытываем жалость к неудачнику. Так, будучи «актрисой спектакля», а не «актрисой роли», Ирина Константиновна Архипова помогает прояснить и дальнейшие события. Большой художник даже на собственном бенефисе думает прежде всего не о себе, а о произведении в целом.

Все, что делает Архипова в искусстве и для искусства, - плоть от плоти русской культуры, русской цивилизации. Нет сомнения в том, что такая цивилизация была и есть на земле, и все другие хороши, когда не теснят ее. И.К. Архипова владеет тремя составляющими «тайны» русского человека, которые не однажды спасали и выводили к свету многострадальную Россию: Талантом, Трудом и Терпением.

Александр КРАВЦОВ.